

8 НОЯ 1968

ИЗВЕСТИЯ
г. Москва

ЧАО, РОБЕРТИНО!

ВРЯД ли нужно много говорить о русском гостеприимстве. Гость у нашего народа — личность уважаемая. Иногда даже слишком. По этому поводу, кстати, имеется весьма поучительная басня Ивана Андреевича Крылова, та, что насчет ухи. Но дело не в этом.

Мне трудно припомнить случай, когда хозяин или хозяйка дома, у которых я оказывался в гостях, не потчевали бы меня хорошей итальянской музыкой.

— А сейчас мы вам кое-что заведем...

— Спасибо, пожалуйста.

Я знал наверняка, что из динамиков радиолы обязательно польется серебристый голос Робертино. Ну у кого из любителей песен нет среди коллекции пластинок этого получившего в нашей стране совершенно фантастическую популярность певца? «Ке белла коза...» — «Как ярко светит солнце в час заката...». Трудно было не заслушаться этой никогда не стареющей итальянской песенкой. И в тот вечер в квартире моих ленинградских друзей звонкий мальчишеский голос вытеснил вдруг все разговоры и наступила такая тишина, что стало слышно, как прокатил по рельсам трамвай на далекой улице Выборгской стороны.

А мне казалось, что я уже не в Ленинграде, а на маленькой римской улочке Лаго ди Лезина, где одно время находился корпункт «Известий». Однажды на углу стоял маленький чумазый мальчонка лет пяти-шести и, протягивая к редким прохожим грязную ладошку, пел «Соле мио». Вытащив из кошелька все, что у меня было, я сунул деньги в карман непомерно большого,

явно с чужого плеча пиджака, который можно было два раза обернуть вокруг худенькой детской фигурки, и почему-то не смог посмотреть в его широко открытые и поразительно укоряющие мир глаза.

Нет, это был не Робертино Лоретти, а другой мальчишка с Тибуртины — римского района бедняков. Но удивительное совпадение! Робертино начинал свою карьеру так же, как этот маленький певец, который стоял в тот вечер на углу улицы Лаго ди Лезина...

ТРУДНО было прокормить рабочему-штукатуру Орландо Лоретти свою большую семью. Он сам, его жена Чесира, пятеро сыновей и три дочери. Итого десять душ. Недельной зарплаты отца и старших братьев хватало лишь на полугодное существование, да и то только до четверга. Поэтому редко кто улыбался в семье старого каменщика. Только один Робертино, пятый по счету ребенок, появившийся на свет 22 октября 1947 года, никогда не унывал. Еще не научившись говорить, он начал петь. Те песни, которые слышал на улице, которые передавали по радио или которые маленький мальчишка сочинял сам. И вот когда подошло время начинать учебу, Робертино пошел не в школу, а по барам и кафе со своими песнями...

А потом все произошло, как в сказке о доброй волшебнице. Правда, волшебница оказалась мужского рода и явилась в лице датского музыкального критика Вольмера Соренсена. Он услышал Робертино на одном из фестивалей маленьких певцов, кои в изобилии проводятся на всем Апеннинском полуострове. Соренсен записал несколько песенок маленького исполнителя.

— Мне очень нравится твой голосок,

мальчик. Но я не буду заключать с тобой никакого контракта. Я хочу, чтобы тебя послушали мои друзья и коллеги, которые живут сейчас в Копенгагене. Если ты понравишься и им, тогда мы тебя вызовем из Рима...

Робертино понравился. В дом штукатура Лоретти пришла телеграмма и вместе с ней довольно солидный денеж-

ный перевод. «Выезжай...» — было написано в этой телеграмме. Первый концерт Робертино в столице Дании прошел при переполненном зале и непрекращающихся бурных аплодисментах. Северные страны бедны и цветами и певцами. А Робертино Лоретти привез в Копенгаген и запахи римских глициний, и голубое небо Неаполя, и извечную песню средиземноморского прибрежья.

У датских антрепренеров исчезли последние сомнения. С маленьким итальянским певцом был заключен контракт. «Добрые волшебники» купили голос Робертино и вместе с ним все его прошлые, настоящие и будущие песни. А потом начался калейдоскоп гастрольных по-

ездов. Норвегия, Швеция, Финляндия, Голландия, Бельгия, Исландия, Австрия, Франция. В Австрии он снялся в своем первом кинофильме «Красная лошадка», где спел ставшую особенно популярной у нас в Советском Союзе песенку «Мама». А антрепренеры начали выжимать из мальчонки все, что было можно, и все, что было нельзя. Утром он записывался на радио, днем — на пластинки, вечером его тащили в концертный зал, а иногда и в два. Прошел год, другой... В пятнадцать лет у Робертино начал ломаться голос. Ему необходимы были перерыв, серьезная вокальная школа для того, чтобы не погубить дара, что получил он от щедрой итальянской природы. Но «волшебникам» было абсолютно наплевать на будущее Робертино и на его голос. Для них итальянский певец был только средством для получения барышей...

НО В ИТАЛИИ в то время еще почти никто не знал о Робертино. Из каждого второго раскрытого окна московских квартир неслись звонкие песни итальянского соловушки, а вот музыкальный критик одной из крупнейших римских газет страшно поразился, услышав мой вопрос.

— Как поется Робертино Лоретти?

— Лоретти? Простите, а кто это?

В Италии мне иногда приходилось сталкиваться с подобными парадоксами.

— Вы знаете, Джованьоли был любимым писателем моего детства.

У собеседника недоуменно лезут вверх брови:

— Джованьоли? Извините, но у нас не было такого писателя!

— Как?! А «Спартак»?

— ...Нет, такого писателя не было. Вы, видимо, что-то путаете.

Можно, конечно, допустить, что в Италии не все знают Джованьоли. Все-таки умер он в 1915 году, да и написал не очень много. Но Робертино! Я был потря-

сен неосведомленностью моих итальянских коллег. Но когда прошло немножко времени и я освоился с итальянскими нравами и обычаями, все стало на свои места. Юный певец начал выступать в Италии, в своей родной стране, только тогда, когда его голос был уже безвозвратно загублен датскими «волшебниками». Многократные попытки Робертино завоевать признание капризной итальянской публики на фестивалях не приносили желанного результата.

Как-то мы, группа советских журналистов, встретились с Робертино Лоретти в экспрессе Рим — Сан-Ремо. В этом северном курортном городке Италии открывался очередной песенный фестиваль. Мы ехали на него. Вместе с нами попал на этот поезд и Робертино. Ну чем можно было угостить нашего неожиданного и любопытного попутчика? Самая популярная штука в Италии — это черная икра. Но ее у нас, к сожалению, не было. Пришлось открыть единственную бутылку вина, которую мы везли генеральному секретарю сан-ремовского фестиваля в качестве сувенира и подарка за присланные нам всем приглашения. В нашем распоряжении был единственный походный стаканчик, и, естественно, приоритет в дегустации «Циндали» мы отдали Робертино. Потом начались разговоры. Робертино жаловался на интриги устроителей фестиваля, на то, что его не понимает итальянская публика. Я обратил внимание на то, что голос у него был уже с какой-то режущей ухом хрипотцой... В тот раз Робертино не прошел даже отборочного конкурса на сан-ремовский фестиваль.

ВЕРНУВШИСЬ в Рим, я долго не встречал имени Робертино на афишах Вечного города. Говорили, что он гастролирует где-то на юге страны, но без особенного успеха. Как-то, будучи в Милане, я разговорился с одним видным оперным специалистом и большим докой по открыванию новых талантов.

— Робертино? Вы знаете, самое любопытное заключается в том, что впер-

вые я услышал о нем в Москве, когда приезжал в качестве гостя в вашу столицу. Москвичи просто-таки потрясли меня повальным увлечением этим мальчишкой, пластинки с песнями которого, как мне сказали, имели тогда самый большой спрос... Я заинтересовался им и, вернувшись домой, прослушал несколько последних его песенок. Вполне возможно, что из него вышел бы настоящий и весьма незаурядный певец. Но об этом нужно было думать раньше, значительно раньше. Сейчас его голос годится только для эстрады, да и то не всякой.

Последний раз мне довелось встретиться с Робертино Лоретти незадолго до отъезда из Рима. Проходя вечером по улице Вольтурно, я увидел на афише третьегозрядного кинотеатра знакомое имя. Меня ждали гости, но соблазн был слишком велик. Купив билет и пройдя контролеров, я очутился в зале, больше похожем на солдатскую казарму, где перед началом сеанса очередного американского кинобейсика выступал Робертино.

На скрипучих сиденьях ерзали солдаты, болтали лохматые молодые люди, повизгивали девицы, весьма смахивающие на представительниц самой древней профессии. Было шумно, к потолку со всех рядов поднимались облака дыма от сигарет, а на эстраде стоял бледный молодой человек с прилизанными волосами и сильным голосом, нет, не пел, а именно исполнял, пританцовывая на месте, очередной ультрамодный твист...

«...Солнышко, ты солнышко мое!». Пластика, прошивая, остановилась. Мои ленинградские друзья как-то разом вздохнули и сказали в один голос: «Какая прелесть!». Я не хотел нарушать очарования, навеянного серебристым голосом итальянского мальчишки, и... промолчал. А перед глазами стоял тот, другой маленький певец, что был на улице Лаго ди Лезина в непомерно широком пиджаке с протянутой ладошкой. У него ведь тоже был серебристый, как колокольчик, удивительнейший по красоте тембра голос. Мне очень хотелось, чтобы ему повезло, этому маленькому итальянскому мальчишке, жизнь которого только-только началась. Но мне стало страшно от мысли, что и он может оказаться в руках «добрых волшебников», которые однажды погубили талант Робертино.

Чао, Робертино! Это слово говорят не только когда встречаются, но и прощаются тоже.

Л. КОЛОСОВ.

297